

Высшее право есть право возстанія!

ПЪСНИ и СТИХОТВОРЕНІЯ АНАРХИСТОВЪ.

Маршъ анархистовъ.
Черное Знамя.
Пѣсня рабочихъ анархистовъ.
Завѣтъ казненнаго
и др.

Цѣна 50 коп.

Серг. тип. Моск. Сов. Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

1918.

С К Л А Д Ъ:

Петроградъ, Книжный магазинъ „Бунтарь“,
Выборгская сторона, Безбородкинъ просп., уг. Варваринской.

АНАРХІЯ.

Отвержена и проклята ты всѣми,
Никѣмъ не понята, ты — ужасъ нашихъ дней:
Кричатъ вездѣ, что ты борьба и хаосъ,
Что ты — кровавое убійство безъ конца.
Пушай кричатъ! Пушай! Имъ незнакомо
Желанье истину за словомъ отыскать,
Имъ не узнать, что значить это слово,
Оли останутся слѣпцами средь слѣпыхъ,
Но, слово, ты — такъ ясно, сильно, чисто,
Ты выражаешь все, къ чему стремлюся я.
Тебѣ грядущее! Твоимъ оно и будетъ,
Когда вернется каждый самъ къ себѣ.
Взойдешь-ли солнцемъ ты? Иль бурей грянешь.
Того не знаю я, но знаю, ты придешь.
„Я — анархистъ? — Зачѣмъ? — Я не желаю
Господства для себя и рабства не хочу“.

Д. Г. Макай.

МАРШЪ АНАРХИСТОВЪ.

Споете же пѣсню подь громы ударовъ,
Подь взрывы и пули, подь пламя пожарсъвъ,
Подь Знаменемъ Чернымъ гигантской борьбы,
Подь звуки набата, призывной трубы.
Разрушимте, братья, дворцы и кумиры,
Сбивайте оковы, срывая порфиры,

Довольно покорной и рабской любви—
 Мы горе народа потопимъ въ крови!
 Проснулась, возстанетъ народная воля
 На стны Коммуны, на зовъ Раваполя,
 На крики о мести погибшихъ людей
 Подъ гнетомъ буржуя, въ петлѣ палачей.

Ихъ много, безъ счета нуждою разбитыхъ,
 Погибшихъ въ острогѣ на плахѣ убитыхъ,
 Ихъ много, о Правда, служившихъ тебѣ
 И павшихъ въ геройской неравной борьбѣ.
 Ихъ стоны витаютъ подь небомъ Россіи,
 Ихъ стоны, призывы, какъ ропотъ стихій,
 Звучать подь Парижемъ, Кайенной глухой *)
 И насъ приываютъ на доблестный бой.

Споете же пѣсню подь громы ударовъ,
 Подь взрывы и пули, подь пламя пожаровъ,
 Подь Знаменемъ Чернымъ гигантской борьбы,
 Подь звуки набата, призывной трубы.

Константинъ Черный. Одесская тюрьма.

ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ.

Насъ давить, товарищи, власть капитала,
 Царящаго мощно повсюду,
 Давно ужъ, товарищи, время настало
 Проснуться голодному люду.

На бой насъ давно вызываетъ
 Буржуй—врагъ, царящій повсюду;
 Пусть черное знамя собой означаетъ
 Идею рабочаго люда.

Насъ давятъ нещадно, увѣчать, штрафуютъ,

*) Кайенна—это нездоровая мѣстность въ Африкѣ, куда буржуазное Правительство Франціи сослало послѣ 1871 года нѣсколько десятковъ тысячъ коммунаровъ Парижа.

Толпами насъ гонять въ могилу;
Однако, недолго нашъ врагъ поликуеть,
Ужь наша пора наступила.

На бой насъ давно вызываетъ... и т. д.
Полиція къ порядку штыкомъ призываетъ,
Поль чушь намъ городить съ амвона;
Царь батюшка только башкою киваетъ,
Буржуй, мсль, хозяинъ у трона.

На бой насъ давно вызываетъ... и т. д.
Долой же позорную власть капитала,
Царящаго мощно повсюду;
Къ оружью, товарищи! Время настало
Проснуться голодному люду.

На бой насъ давно вызываетъ... и т. д.
И духомъ могучимъ, и кровью горячей
Мы смоемъ позоръ капитала,
О братья, по духу родимые братья,
Давно ужъ пора намъ настала...

На бой насъ давно вызываетъ... и т. д.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬ.

Вставай, проклятемъ заклеименный,
Весь мiръ голодныхъ и рабовъ!
Кипить нашъ разумъ возмущенный
И смертный бой вести готовъ.
Весь мiръ насилья мы разроемъ
До основанья, — а затѣмъ
Мы нашъ, мы новый мiръ построимъ:
Кто былъ ничѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ!
Эго будетъ послѣдній
И рѣшительный бой!
Съ интернаціоналомъ
Воспрянетъ родъ людской!
Никто не дастъ намъ избавленья —
Ни богъ, ни царь и ни герой!

Добьемся мы освобожденья
 Своею собственной рукой.
 Чт'бъ свергнуть зло рукой умѣлой,
 Отвоевать свое добро,—
 Вдуйте горны и куйте смѣло,
 Пока желѣзо горячо!..

Это будетъ послѣдній
 И рѣшительный бой!
 Съ интернаціоналомъ
 Воспрянетъ родъ людской!

Лишь мы работники всемірной
 Великой арміи труда,
 Владѣть землей имѣемъ право,—
 Но паразиты—никогда!
 И если громъ великій грянетъ
 Надъ сворой псовъ и палачей,—
 Для насъ все такъ же солнце станетъ
 Сіять огнемъ своихъ лучей...

Это будетъ послѣдній
 И рѣшительный бой!
 Съ интернаціоналомъ
 Воспрянетъ родъ людской!

БОРЦЫ ИДЕИ...

Борцы идеи,
 Труда титаны,
 Кровавой битвы
 Чась насталь!
 На баррикады!
 За раны—раны,
 За гибель—гибель,
 Борба илетъ.
 Тяжкій млатъ,
 Куй булатъ;
 Твой ударъ

Въ сердцахъ родить пожаръ;
 Пыль бойца
 Жжетъ сердца,
 Вставай, народъ!
 Сигналь на бой зоветь!

Пусть сгинеть рабство,
 Труду свобода,
 Долой насилье,
 Довольно слезъ!

На баррикады... и т. д.

Тяжкій млатъ... и т. д.

Къ оружью, братья!
 Ряды смыкайте;
 Близка побѣда,
 Смѣлуй на бой!

На баррикады... и т. д.

Тяжкій млатъ... и т. д.

Честь всѣмъ погибшимъ,
 Героямъ слава!
 Смерть кровопийцамъ,
 Разрушимъ строй!

На баррикады... и т. д.

Тяжкій млатъ... и т. д.

БѢСНУЙТЕСЬ ТИРАНЫ!

Бѣснуйте тираны, глумитесь надъ нами.
 Грозите свирѣпо тюрьмой, кандалами;
 Мы вольны душою, хоть тѣломъ пограны.
 Позоръ, позоръ, позоръ вамъ тираны!
 Пусть слабые духомъ трепещутъ предъ вами,
 Торгуя безстыдно святыми правами!
 Тѣлесной неволи не страшны намъ раны,
 Позоръ, позоръ, позоръ вамъ тираны!
 Подъ игомъ труда въ долѣ вѣчнаго рабства
 Народъ угнетенный вамъ копитъ богатства..

Но рабство и муки не сломятъ титана
 На страхъ, на страхъ, на страхъ вамъ тираны!
 Кровавыя слезы потокомъ струятся,
 Враги безпощадно надъ слабымъ глумятся,
 Но рухнуть предъ сильнымъ коварныя планы.
 Позоръ, позоръ, позоръ вамъ, тираны!
 Грозите войсками, сверкайте штыками,
 Вашъ собственный страхъ не сковать вамъ цѣпями
 Предѣлы насилію вашему даны!
 И месть, и месть, и месть вамъ, тираны!
 Отъ пролитой крови заря заалѣла,
 Могучая всюду борьба закипѣла,—
 Пожаромъ возстанья объаты всѣ страны!
 И смерть, и смерть, и смерть вамъ тираны!

ПѢСНЯ РАБОЧИХЪ АНАРХИСТОВЪ.

Братья, поднимемъ мы Черное Знамя
 Надъ угнетенною силой трудъ,
 Пусть разгорится анархїи пламя
 И сокрушитъ рабскїй строй навсегда.

Припѣвъ:

Мы—анархисты и коммунисты
 Смѣло на бой, товарищи, идемъ,
 Намъ свобода—благо народа,
 Радость и счастье мы міру несемъ.

Много вѣковъ мы подъ властью страдали.
 Много мы пролили крови своей,
 И за свободу свою погибали
 На эшафотѣ отъ рукъ палачей.

Припѣвъ:

Мы анархисты и коммунисты... и т. д.
 Кровью своей мы исторію писали
 Жертвъ неповинныхъ рабочей семьѣ

И на борьбу мы народъ призывали
Сбросить позорное рабство съ себя.

Припѣвъ:

Мы анархисты и коммунисты... и т. д.
Братья, не нужно намъ власть и законы,
Тюремъ, дворцовъ и роскошныхъ палатъ
И ненавистной, проклятой короны,
Пушекъ и ружей, штыковъ и солдатъ.

Припѣвъ:

Мы анархисты и коммунисты... и т. д.
Время настало могучей рукою
Рабскія цѣпи порвать навсегда
И водрузить надъ свободной землею
Черное Знамя святого труда.

Припѣвъ:

Мы анархисты и коммунисты... и т. д.

Рабочій анархистъ

МСТИТЕЛЬ.

(Посвящено памяти Юсифа Брунштейна, казненнаго въ 1906 году, въ Одессѣ, за террористическій актъ въ кафе Либмана).

То были дни возстанія народа!
Сражались бѣшено возставшіе рабы
И гибли сотнями отъ сабли и стрѣльбы.
Съ могучимъ возгласомъ: „да здравствуетъ свобода!“
На время вспыхнула подавленная вѣра
Въ побѣду истины, закованной въ цѣпяхъ;
Но бой неравенъ былъ, какъ чудная химера,
Она сияла мигъ, и снова въ кандалахъ
Истерзанной, живой ее опять зарыли,
Штыки опричниковъ на время побѣдили!
Еще не замерли побѣдный ревъ и стоны,
Еще на улицахъ лежалъ кровавый слѣдъ,
А „тамъ“—пиры. Блестятъ роскошные притоны

Развратныхъ богачей—защитниковъ короны,
 Ликують, празднующъ триумфъ своихъ побѣдъ.
 Пиръ и оргіа, и пышные наряды,
 Довольство гнусное въ улыбкахъ и рѣчахъ
 И смѣхъ, и музыка, и радостные взгляды,
 И всюду торжество сіяетъ на лицахъ.
 „Вѣдь бунтъ погибъ, грабители разбиты“,
 „И всѣ зачинщики въ тюрьмѣ ужь перебиты“.
 Спокойны ужь избранныковъ сердца,
 И веселье, и богатъ богатый пиръ побѣды.
 Но—чу! передъ окномъ роскошнаго дворца
 Мелькнула тѣнь. Рѣшителный и блѣдный подходитъ
 юноша,
 И твердою рукой онъ что-то приподнялъ, проклятыя
 изрекая:
 — „Кончай послѣдній пиръ, тирановъ хищныхъ стая,
 „Смуцу твой гнусный смѣхъ и мерзостный покой“.
 Движенье быстрое—и въ залъ снарядъ влетѣлъ!
 Ужасный громъ, предсмертныхъ криковъ вой—
 —На мѣстѣ пиршества осталась гряда тѣлъ,
 На сторонѣ отъ всѣхъ истерзанный снарядомъ,
 Въ крови самъ юноша молодой лежалъ
 И, раненый, своимъ онъ смѣлымъ взглядомъ
 Имъ деспотамъ проклятыя посылалъ...
Константинъ Черный. Одесская тюрьма.

МАРШЪ ПРОТИВЪ ВОЙНЫ.

Тамъ пушки грохочутъ на бранныхъ поляхъ,
 Тамъ демоны смерти летаютъ,
 Тамъ рвутся шрапнели на мягкихъ лугахъ
 И землю фугасы взрываютъ.
 Тамъ съ бѣшенымъ гуломъ орудья гремятъ,
 Раскрывши зловѣщія пасти,
 Гремучими ядрами жертвы разятъ
 Въ какой-то озлобленной страсти.

Тамъ груды убитыхъ и стоны людей,
 Тамъ рубятъ не зная пощады,
 Тамъ нивы потоптаны зрѣлыхъ полей
 И села сжигаютъ снаряды.

Тамъ грозно бушуетъ багряный потокъ,
 И кровь всѣ поля заливаєтъ,
 Отъ юга на сѣверъ и дальній востокъ
 Несмѣтная рать погибаетъ.

Тамъ рубятся дѣти святого труда,
 Тамъ падаютъ братья народа,
 А здѣсь лишь пируютъ купцы-господа,
 Считая барышъ отъ похода.

Цари и министры, вся черная знать,
 Въ погонѣ за властью и славой,
 Людей какъ барановъ ведутъ убивать
 И гибнуть на бойнѣ кровавой.

Вильгельмъ кровожадный и царь Николай,
 И вся ихъ придворная свора,
 Подъ знаменемъ крови—„царить не мѣшай“,
 Не знаетъ стыда и позора.

И гибнуть народы подъ властью царей,
 Подъ игомъ священнаго трона,
 И давить и губить невинныхъ людей
 Залитая кровью корона.

Ее освящаютъ безстыдно помы,
 И звѣрство въ церквахъ славословятъ,
 Предъ темною массой забитой толпы
 Злодѣю величїя молятъ.

Презрѣнная шайка воровъ-богачей,
 Ужъ сладкій покой предвкушаетъ,
 Подъ грохотъ орудій и звуки мѣчей
 Несчастный народъ обираетъ

А дѣти отчины стоятъ подъ огнемъ,
 И гибнуть по зову злодѣевъ,
 Подъ градомъ свинцовымъ и страшнымъ дождемъ
 За тряпки ничтожныхъ трофеевъ.

Опомнитесь, братья! взгляните на мїръ.

Онъ такъ же великъ и прекрасенъ,
Лишь только злодѣевъ безъмысленный пиръ
Жестокъ, безразсуденъ, ужасенъ.

Рабочій Анархистъ.

ПѢВЕЦЪ БОРЬБЫ.

Я не пѣвецъ напѣвовъ нѣжныхъ,
Я не ласкаю слухъ струной,
Не разбужу страстей мятежныхъ
Въ душѣ усталой и больной.

* * *

Нѣтъ, пѣснь моя—то пѣснь иная—
Я вмѣсто арфы—мечъ подынялъ,
И сталью гибельно играя,
Изъ пѣсенъ—пѣснь скорби внялъ.

* * *

Я пръзывалъ меча напѣвомъ
Не богачей на пышный балъ,
А тѣхъ, чье сердце полно гнѣвомъ,—
Я тѣхъ на битву подымалъ.

* * *

Я сталь пѣвцомъ меча—не лиры
И радъ, что сталь крѣпка моя...
Подъ ней падутъ земли кумиры,
Какъ подъ напоромъ бытiя.

* * *

Пѣвецъ борьбы, пою я битву
И въ ней свободы вижу лучъ;
Я не шепчу, какъ рабъ, молитву,—
Призывъ мой грозенъ и могучъ.

* * *

Я не паду къ ногамъ кумира,
Мнѣ день свободный—цѣлый вѣкъ,—

Въ рѣчахъ огонь, въ рукахъ сѣкира
Я царь природы—человѣкъ.

Иванъ Малъевъ.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПРИВѢТЪ.

(Написано Абрамомъ Хазановымъ, незадолго до его казни).

Покажись ты, мѣсяцъ блѣдный,
Въ темномъ небѣ надъ тюрьмой.
Изъ своей темницы тѣсной
Побесѣдую съ тобой,
Какъ бесѣдовалъ на волѣ,
Когда, съ вражьей силой споря,
Ночевалъ въ лѣсу, да въ полѣ
И не зналъ тоски и горя.
Разскажи про лѣсъ дремучій,
Гдѣ съ друзьями мы скитались;
Разскажи про дубъ могучій,
Подъ которымъ мы собирались
Шумной дружною семьей,
Совершивъ свой путь тяжелый.
Помнишь, какъ во тьмѣ лѣсной
Мы зажгли костеръ веселый?
Какъ безнечно мы смѣялись,
Вспоминая бой съ врагами,
Вспоминая какъ смѣшались
Вражьи силы передъ нами.
Какъ отважно пробивались
Мы сквозь цѣпь враговъ густую,
Какъ враги вдали остались,
А мы скрылись въ глушь лѣсную.
Помнишь, какъ нашъ смѣхъ счастливый
Разносился въ чащѣ бора,
А вблизи медвѣдь лѣнивый
Слушалъ наши разговоры?

Помнишь нашъ счастливый хохоть
 Не понравился сосѣду.
 Загорчал онъ. Звѣря рототь
 Перервалъ нашу бесѣду.
 Помнишь весело рѣшили
 Мишку мы не потревожить
 И костеръ переложили,
 Чтобы звѣря успокоить.
 Кто-жь теперь въ лѣсу дремучемъ
 Пѣсни воли распѣваетъ,
 Кто подъ дубомъ тѣмъ могучимъ
 Темной ночью отдыхаетъ?
 Кто теперь тамъ въ ночь глухую
 Вольный свой костеръ разлжигить,
 Чей-то смѣхъ сквозь тишѣ лѣсную
 Сонъ медвѣдя потревожить?—
 Ты скажи мнѣ, мѣсяць ясный,
 Все-ль горять въ лѣсу огни?
 Иль потухъ огонь маячный,
 Стихло все въ лѣсной глуши?
 Стихли звуки вольныхъ птицъ
 Въ сумрачной лѣсной тиши,
 Неужель въ тѣни древесной
 Не видать живой души?
 Помнишь, мѣсяць, какъ скатались
 Мы съ друзьями средь лѣсовъ,
 Какъ мы въ тѣхъ мѣстахъ скрывались
 Отъ насильниковъ—враговъ.
 Какъ пришлось намъ, убѣгая
 Отъ насилья, лжи людей,
 Жизнь, свободу сохраняя,
 Правду прятать средь звѣрей.
 Покажись же, другъ печальный—
 Ясный мѣсяць, надъ тюрьмой,
 Свой привѣтъ—привѣтъ прощальный
 Я пошлю друзьямъ съ тобой.
 Привѣтъ птицамъ и звѣрямъ

Славному лѣсному бору,
 Что пріютъ давалъ всѣмъ намъ,
 — странникамъ въ ночную пору...
Абрамъ Хазановъ.
Екатеринославская тюрьма, 1908 г.

ЧТО ЗА КАРТИНА...

Что за картина бессмысленно дикая!
 Гдѣ жъ она, гдѣ она сила великая,
 Чтобы козлецъ положить?
 Эта толпа безотвѣтно покорная,
 Иго тяжелое, иго позорное
 Вѣчно ли будетъ сносить?
 Ахъ, неужель ты, слѣпая и темная,
 Вѣчно голодная, вѣчно бездомная,
 Будешь покорно молчать?
 Всѣхъ нарядившая, всѣхъ накормившая
 Будешь не ѣвшая, будешь не пившая,
 Вѣчно отъ стужи страдать?
 Нѣтъ, не вѣчно, нѣтъ, не вѣчно!
 Видишь, другъ, со всѣхъ концовъ
 Съ пѣсней бодрсю, сердечной
 Цѣпью длинной, безконечной
 Ужъ спѣшать толпы бойцовъ!
 Сила арміи священной
 Старый соръ земли смететь.
 Коль одинъ падеть сраженный,
 Вмѣсто павшаго мгновенно
 Сотня новыхъ возстаетъ.
 Слышишь, другъ мой, эти звуки?
 Это онъ, рабочій людъ!
 То они, пятсмцы муки,
 Дружно взявшися за руки,
 Пѣсню звонкую поють.
 Не болѣзненной дремотой

Пѣсня дружная звучить,
 И не будничной заботой,
 Новымъ тономъ. новой нотой
 Пѣсня новая звенить.
 Грянемъ, братья, гимнь веселый,
 Станемъ въ тѣсные ряды!
 Передъ нами путь тяжёлый,
 Ждутъ насъ тяжёлыя труды!
 Но не страшны вамъ пр. поны,
 Смѣло мы идемъ впередъ!
 Наши дѣти, наши жены,
 Изъ страданія, ихъ стоны...
 Правда. все зоветъ!
 Ну, гремя же пѣснь святая!
 Все, что честно, къ намъ придетъ!
 Правды знамя поднимаемая,
 Смѣло двинемся впередъ!

ХЛѢБЪ ИЛИ ПУЛЮ.

Нѣту работы... семья голодаетъ...
 Двое малюгокъ припали къ отцу,
 Рвутъ ва немъ платье, ѣсть просятъ, рыдаютъ...
 Мать на нихъ молча глядитъ и страдаетъ...
 „Полноте, дѣти—отецъ утѣшаетъ—
 Наши страданья приходять къ концу:
 Хлѣба намъ или свинцу
 За-тра республика дать обѣщаетъ“.
 Сдвинуты брови и скрещены руки
 На молодецкой широкой груди.
 Люди по улицамъ идутъ, и звуки
 Пѣсни ихъ грозной исполнены муки:
 „Завтра раздастся здѣсь громъ боевой;
 Знайте же братья: васъ ждетъ впереди
 Хлѣбъ на столѣ или пуля въ груди
 Послѣ борьбы роковой!“

Знамя надъ грудью камней взвивается...
 Строить народъ баррикаду...
 Завтра онъ здѣсь умирать собирается.
 Здѣсь для свѣбоды алтарь воздвигается;
 Здѣсь новой жизни заря загорается,
 Людямъ грядущимъ въ урокъ!
 Будеть героямъ награда
 Пуля, иль хлѣба кусокъ!...
 Тѣни ночныя спустились надъ зданьями...
 Полонъ рѣшимости мрачный народъ:
 Завтра снѣ кончить съ страданьями!
 Полный надеждами и ожиданьями,
 Жаждою полный борьбы,
 Цѣлюю и чѣ онъ очей не сомкнетъ,
 Завтра онъ хлѣбъ или пулю возьметъ
 Съ бою у грозной судьбы!...

ПѢСНЯ НЕНАВИСТИ.

Впередъ! скорѣй! чрезъ рѣки, черезъ горы
 Зарѣ навстрѣчу молодой.
 Послѣдній поцѣлуй для милой, ласка взора...
 И въ бой, скорѣе въ грозный бой!
 Мы взяли въ руки мечъ: пока онъ не сгнилъ,
 Мы не должны разгаться съ нимъ.
 Довольно мы враговъ своихъ любили,
 Мы ненавидѣть ихъ хотимъ.
 Нѣтъ, нѣтъ: любовь не дастъ рабамъ свободы,
 И нѣтъ спасенія въ любви.
 Ты, ненависть, суди враговъ народа!
 Ты, ненависть, оковы разорви.
 Тамъ, гдѣ тираны тронъ свой нагло утвердили,
 Престоль мы въ щепки обратимъ.
 Довольно мы враговъ своихъ любили,
 Мы ненавидѣть ихъ хотимъ.
 Пусть въ сердцѣ всѣхъ, въ комъ сердце страстно бьется.

Царить лишь ненависти жаръ.
 Готовъ костерь; довольно дровъ найдется,
 Чтобъ на весь мiръ разжечь пожаръ.
 Вы всё, борцы земли, что для свободы жили,
 Кличите братьямъ своимъ:
 „Довольно мы враговъ своихъ любили,
 Мы ненавидѣть ихъ хстимъ!“
 Разите же враговъ, не уставая,
 Разите смѣлою рукой.
 И будетъ вамъ та ненависть святая
 Священнѣ любви святой.
 Мы взяли въ руки мечъ: пока онъ не сгнили,
 Мы не должны разстаться съ нимъ.
 Довольно мы враговъ своихъ любили,
 Мы ненавидѣть ихъ хотимъ.

ОСЛУШНАЯ ПѢСНЯ.

Чась ослушной пробиль для насъ;
 Освободимъ себя со славой:
 Злодѣи вынудили насъ
 Къ расправѣ дружной и кровавой!
 Къ расправѣ дружной и кровавой!
 Къ оружію, друзья!
 Сомкнемтеся въ ряды!
 Впередъ! впередъ!—Насъ ждетъ земля
 Да воля за труды!
 Пусъ, какъ единый человекъ
 Вся Русь замученная встанеть!
 Освободимъ себя на вѣкъ!
 — Земли родной на всёъ достанетъ!
 — Земли родной на всёъ достанетъ!
 Къ оружію, друзья... и т. д.
 Довольно барамъ пировать,
 Довольно тѣшиться надъ нами,
 Народъ и войско угнетать

Кнутомъ, плетью и кандалами!
Кнутомъ, плетью и кандалами!

Къ оружію, друзья... и т. д.
Насъ грабежами до сумы
Они довольно доводили!
Крестьянской кровью вдосталь мы
Родныя нивы напоили!
Родныя нивы напоили!

Къ оружію, друзья... и т. д.
Довольно насъ терзала зря,
Довольно стригли насъ, какъ стадо—
Не надо больше намъ царя,
Чиновной сволочи не надо!
Чиновной сволочи не надо!

Къ оружію, друзья... и т. д.
Безъ полицейскихъ и дворянъ
Съ собой управимся мы сами;
Разсудимъ всё дѣла мірянъ,
Какъ встарь—землей да волостями!
Какъ встарь—землей да волостями!

Къ оружію, друзья... и т. д.
Сходись со всѣхъ сторонъ народъ,
Всякъ, кто за волю, будетъ съ нами!
Солдаты къ намъ!—насталъ чередъ
Свободу отстаять штыками...
Свободу отстаять штыками!

Къ оружію, друзья... и т. д.

ДУДА.

Собирайтесь-ка, ребята, поскорѣй,
Грянемъ пѣсню мы крестьянскую дружнѣй;
Полно намъ подъ дудку барскую плясать,
Не пора-ли на своей дудѣ сыграть?!
Сколько времени на нашу на бѣду,
Господа да кулаки дудятъ въ дуду.

А начальство, знай, подхлестывать кнутомъ.
 Чтобъ рѣзвѣй мужикъ выкдываль козломъ!
 Семенить онъ, до истомы семенить,
 Изъ кармана грошъ послѣдній, знай, летить,—
 Чиновье да кулаки берутъ гроши:
 Очень-де крестьянски деньги хороши!
 Тутъ и пошъ, гляди, акаѳисты поеть!
 А руками тѣ же денежки гребеть!
 Ахъ ты подлый, долгогривый сатана,
 Вѣдь и такъ поди, мошна давно полна!
 До какихъ же поръ намъ, братцы, все плясать?!
 Нѣтъ, давайте на своей дулѣ играть:
 Пусть теперь попляшетъ это воронье,
 Растрясетъ маленько черево свое!

СЛУ — ШАЙ!..

Какъ дѣло измѣны, какъ совѣсть тирана,
 Осенняя ночька темна.
 Темнѣй этой ночи встаетъ изъ тумана
 Видѣниемъ мрачнымъ тюрьма...

Кругомъ часовые шагаютъ лѣнливо,
 Въ ночной тишинѣ, то и знай,
 Какъ стонъ, раздается протяжно, тоскливо:

Слу — шай!..

Хоть плотны высокія стѣны ограды,
 Желѣзныя крѣпки замки,
 Хоть зорки и ночью тюремщиковъ взгляды,
 И всюду сверкають штыки,

Хоть тихо внутри, но тюрьма—не кладбище,
 И ты, часовой, не плошай,
 Не вѣрь тишинѣ, берегися, дружище!

Слу — шай!

Вотъ узникъ вверху за рѣшеткой желѣзной
 Стоитъ, прислонившись къ окну.

И взгляд устремилъ онъ въ глубь ночи беззвѣздной,—
Весь словно впился въ тишину...

Ни звука... Порой лишь собака вальнется.

Да крикнетъ сова невзначай,

Да мѣрно внизу подъ окномъ раздается

Слу — шай!..

„Не дни и не мѣсяцы—долгіе годы

Въ тюрьмѣ осужденъ я страдать,—

А бѣдное сердце такъ жаждетъ свободы,—

Нѣтъ, больше не въ силахъ я ждать!..

Здѣсь штыкъ или пуля,—тамъ—воля святая..

Эхъ темная ночь, выручай!

Будь узнику ты хоть защитой, родная“.

Слу — шай!..

Чу!.. шорохъ — вотъ кто то упалъ, приподнялся,

И два раза шелкнулъ курокъ,

Вотъ что то сверкнуло и выстрѣлъ раздался,

И ожилъ мгновенно острогъ...

Огни замелькали, забѣгали люди...

„Прощай, жизнь! Свобода, прощай!“

Такъ вырвалось воплемъ изъ раненой груди...

Слу — шай!..

И снова все тихо—на небѣ несмѣло

Луна показалась на мигъ,

И снова, сквозь слезы, изъ тучъ поглядѣла

И скрыла заплаканный ликъ...

Кругомъ часовые шагаютъ лѣнливо...

Въ ночной тишинѣ, то и знай,

Какъ стонъ, раздается протяжно, тоскливо:

Слу — шай!..

ЗАВѢТЬ КАЗНЕННАГО.

Не плачь, родимая, что сынъ твой погибаетъ

Во цвѣтъ юныхъ силъ, на плахѣ роковой,

Не плачь, вѣдь палачи смѣются надъ слезой

И горя матери судья не понимаетъ.
 Быль судъ неумолимъ, и неизбежна гибель,
 Но ты, о мать, надъ трупомъ молодымъ
 Не изнывай въ мольбѣ предъ идоломъ нѣмымъ,
 А брата подрости. Храни его колыбель.
 Ты пой ему о томъ, что брата онъ имѣлъ,
 Скажи ему, за что его постигла плаха,
 Зачѣмъ боролся онъ упорно и безъ страха,
 Зачѣмъ передъ гибелью спокоенъ былъ и смѣлъ.
 Скажи ему, что, деспотовъ сражая,
 Злодѣемъ не былъ я, какъ люди говорятъ,—
 Страдальцевъ я любилъ, какъ любить мать родная,
 И не навидѣлъ лишъ надменный блескъ палатъ.
 Учи его любить всей силою душевной
 Отверженныхъ, измученныхъ людей
 И ненавидѣть ложь, бичуя низость гнѣвно,
 Сражая зло десницею своей.
 Пусть твердою рукой возьметъ мой мечъ завѣтный
 И мой призывный рогъ, зовущій на борьбу,
 И изъ народныхъ мужъ слагая гимнъ побѣдный,
 Пусть будить онъ на бой забитую толпу.
 А если онъ падеть, какъ я, въ бою сраженнымъ,
 Тогда ты пѣснь сложи изъ гнѣва и стихій,
 И пусть звучитъ та пѣснь призывомъ вдохновеннымъ...
Константинъ Черный. Одесская тюрьма.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ.

Замученъ тяжелой неволей,
 Ты славною смертью почилъ...
 Въ борьбѣ за народное дѣло
 Ты голову честно сложилъ...
 Служилъ ты не долго.— но честно
 Для блага родимой земли...
 И мы,—твой братья по дѣлу,—
 Тебя на кладбище снесли...

Нашъ врагъ надъ тобой не глумился...
 Кругомъ тебя были свои...
 Мы сами, родимый, закрыли
 Орлиныя очи твои...
 Не горе намъ душу давило,—
 Не слезы блистали въ очахъ,
 Когда мы, прощаясь съ тобою,
 Землей засыпали твой прахъ; —
 Нѣтъ, злоба насъ только душила!
 Мы къ битвѣ съ врагами рвались
 И мстить за тебя безпощадно
 Надъ прахомъ твоимъ поклялись...
 Съ тобою одна намъ дорога:—
 Какъ ты, мы въ острогахъ сгнѣмъ...
 Какъ ты,—для народнаго дѣла
 Мы головы наши снесемъ;
 Какъ ты,—мы, быть можетъ, послужимъ
 Лишь почвой для новыхъ людей,
 Лишь грознымъ пророчествомъ новыхъ,
 Грядущихъ и доблестныхъ дней...
 Но знаемъ, какъ зналъ ты, родимый,
 Что скоро изъ нашихъ костей
 Подымется мститель суровый
 И будетъ онъ насъ позильнѣй.

КАМАРИНСКАЯ.

Эхъ, и простъ же ты, рабочій человекъ!
 На богатыхъ ты гнешь спину цѣлый вѣкъ
 У Морозова, у Саввушки заводъ,
 Обираютъ тамъ безъ жалости народъ;
 Всѣ рабочіе въ убогости,
 А на нихъ большія строгости;
 Чтобъ не вышло препирательства
 За иныя надувательства,
 Канцелярія составила

Для рабочихъ пункты-правила:
 Положила кары грозныя,
 Наказа-ія серьезныя,
 Обираетъ по законному,
 Прижимаетъ по ученому.

Эхъ, у Саввушки палатушка ума.
 Оттого-то, знать, толста его сума.
 Загорѣлся разъ у Саввушки заводъ,
 Разбѣгаться сталъ испуганный народъ;
 Управляющій огонь тушить велить,
 А рабочій людъ на улицу валить.
 Дали Саввѣ знать объ этомъ въ телефонъ;
 Какъ ошпаренный, примчался мигомъ онъ.
 „Что жъ, имущество мое должно сгорѣть?
 „Эй, немелленно ворота запереть!“
 Не пускать велѣлъ съ завода ни души,
 Тамъ ужъ хочешь, иль не хочешь, а туши!
 Эхъ, ужъ Саввушка уменъ, уменъ, уменъ,
 И начальствомъ онъ за это оглѣченъ:
 Почитается, какъ знатный дворянинъ,
 Принимается, какъ важный господинъ

Савва—жирная скотинушка,
 Въ три обхвата животинушка;
 Онъ живетъ себѣ съ отрадою,
 Умывается помадою;
 Злой кучинушка не вѣдаетъ,
 По три раза въ день обѣдаетъ;
 Призапасся гувернантками,
 Черномазыми тальянками,
 Разговору непонятнаго,
 Обхожденія пріятнаго;
 И живутъ онѣ, бѣдовыя,
 На гроши наши трудовые;
 Онѣ ходятъ точно павушки,
 Удовольствія для Саввушки...

Собирали какъ-то деньги на сборъ,
 На заводъ велѣлъ Савва сдѣлать сборъ

„Подавайте съ каждой хари четвертакъ,
 „Все равно снесете деньги вы въ кабакъ!“
 Подчинилися приказу дураки,
 Понесли они свои четвертаки.
 Отъ покорности убогихъ дураковъ
 Понастроены всѣ сорокъ сороковъ.

Духовенство умилилося,
 Саввъ низко поклонилосѣ;
 А для нашего спасенія
 Поучаетъ въ воскресеніе,
 Чтобъ безропотно трудилися,
 Да молитвою кормилися;
 Чтобъ не ѣли въ постъ скромнаго,
 Чтобы нраву были скромнаго,
 Чтобъ начальству подчинялися
 Да иконамъ поклонялися.
 За усердіе чудесное
 Въѣдемъ въ царствіе небесное!
 Эхъ, наставники духовные,
 Проповѣдники церковные,
 Съ виду Божіа угодники,
 Втихомолку грѣховодники!
 У васъ брюха слишкомъ пухлыя,
 Ваши рѣчи больно тухлыя.

Эхъ, ребятушки, живѣй, живѣй, живѣй,
 Соберемъ колокола со всѣхъ церквей,
 Изъ нихъ пушку мы большую отольемъ,
 Духовенствомъ эту пушку мы набьемъ,
 Знатоно выпалимъ попами въ небеса,
 Ужъ посыплются къ намъ съ неба чудеса!

Служимъ потомъ, служимъ кровію
 Мы купецкому сословію,
 И за то о насъ правительство
 Проявляетъ попечительство:
 Идаетъ законы многіе,
 Для рабочихъ очень строгіе.

Да безъ всякаго стѣсненія
 Учиняеть притѣсненія.
 На купцахъ стоитъ теперича земля,
 Нѣту силы противъ батюшки-рубля!
 Охъ, ужъ эти-ли купцы, купцы, купцы,
 Обиратели они и подлецы!
 Вы, ребятушки фабричныя,
 Къ обирательству привычныя,
 Ужъ найдите вы управушку
 На Морозова на Саввушку,
 Покажите молодечество,
 Выходите на купечество,—
 Подымайся, какъ единый человѣкъ,
 Давай клятву нерушимую во вѣкъ,—
 Дружно, крѣпко за товарищей стоять,
 Ни на шагъ одинъ назадъ не отступать!

ВАРШАВЯНКА.

Вихри враждебныя воятъ надъ нами,
 Темныя силы насъ злобно гнетутъ,
 Въ бой роковой мы вступили съ врагами,
 Насъ еще судьбы безвѣстныя ждуть.
 Но мы поднимемъ гордо и смѣло
 Знамя борьбы за рабочее дѣло,
 Знамя великой борьбы всѣхъ народовъ
 За лучшій миръ, за святую свободу.
 На бой кровавый.
 Святой и правый.
 Маршъ, маршъ, впередъ
 Рабочій народъ!
 Мретъ въ наши дни съ голодухи рабочій.
 Станемъ ли долше мы, братья, молчать?
 Нашихъ сподвижниковъ юныя очи
 Можетъ ли видъ эшафота пугать?
 Въ битвѣ великой не сгинуть безслѣдно

Павшіе съ честью во имя идей,
Ихъ имена съ нашей пѣснью побѣдной.
Станутъ священны милліонамъ людей.

На бой кровавый... и т. д.
Намъ ненавистны тирановъ короны,
Цѣпи народа-страдальца мы чтимъ.
Кровью народной залитые троны
Мы кровью нашихъ враговъ обагримъ.
Месть беспощадная всѣмъ супостатамъ,
Всѣмъ паразитамъ трудящихся массъ,
Мщенье и смерть всѣмъ царямъ-плутократамъ.
Близокъ побѣды торжественный часъ.

На бой кровавый... и т. д.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ.

Слезами залить мѣръ безбожный.
Вся наша жизнь — тяжелый трудъ.
Но день настанетъ неизбѣжный.
Неумолимый грозный судъ!
Лейся вдаль нашъ напѣвъ! Мчись кругомъ!
Надъ міромъ наше знамя вѣетъ
И несетъ кличъ борьбы. мести громъ,
Сѣмя грядущаго сѣетъ.
Оно горитъ и ярко рдѣетъ,
То наша кровь горитъ на немъ,
То кровь работниковъ на немъ!
Пусть слуги тьмы хотятъ насильно
Связать разорванную сѣть,
Слѣпое зло падетъ безсильно,
Добро не можетъ умереть!
Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.
Бездушный гнетъ, тупой, холодный,
Готовъ погибнуть, наконецъ.
Намъ будетъ счастьемъ трудъ свободный
И братство дастъ ему вѣнецъ.
Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

Скорѣй, друзья! Идемъ всѣ вмѣстѣ.

Рука съ рукой и мысль одна!

Кто скажетъ бурѣ: стой на мѣстѣ?

Чья власть на свѣтѣ такъ сильна?

Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

Долой тирановъ! Прочь оковы,

Не нужно старыхъ, рабскихъ путь!

Мы путь землѣ укажемъ новый, -

Владыкой міра будетъ трудъ!

Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

ДУБИНУШКА.

Много пѣсень слыхаль я въ родной сторонѣ,

Не про радость, про горе въ нихъ пѣли;

Изъ всѣхъ пѣсень одна въ память врѣзалась мнѣ,

Это пѣсня рабочей артели:

Ой, дубинушка, ухнемъ!

Ой, зеленая, сама пойдетъ.

Подернемъ! Подернемъ! Да ухнемъ!

И отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ отцовъ къ сыновьямъ

Эта пѣсня идетъ по наслѣдству,

И народъ къ ней вездѣ прибѣгаетъ въ бѣдѣ.

Какъ къ вѣрнѣйшему самому средству.

Ой, дубинушка... и т. д.

Говорятъ, что мужикъ нашъ работать лѣнивъ,

Нужно-де взбороздить ему спину,

Ну, такъ какъ же забыть нашъ родимый мотивъ

И не пѣть про родную дубину?

Ой, дубинушка... и т. д.

Англичанинъ-хитрецъ, чтобъ работѣ помочь,

Изобрѣлъ за машиной машину,

А нашъ русскій мужикъ, коль работа не въ мочь.

Онъ затанетъ родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Тянемъ съ лѣсомъ судно, иль желѣзо куемъ,

Иль въ Сибири руду добываемъ,
 Съ мукой, съ болью въ груди одну пѣсню поемъ.
 Про дубину въ ней все вспоминаемъ.

Ой, дубинушка... и т. д.

И на Волгѣ рѣкѣ, утопая въ пескѣ,
 Мы ломаемъ и ноги, и спину,
 Надрываемъ тамъ грудь и, чтобъ легче тянуть.
 Мы поемъ про родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Насъ и мучать и бьютъ, насъ и въ цѣпи куютъ.
 Намъ терзаютъ избитую спину, —
 Мы-же терпимъ да ждемъ, да уныло поемъ
 Все про ту же родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Но вѣдь время придетъ, и проснется народъ:
 Разогнетъ онъ избитую спину
 И въ родимыхъ лѣсахъ на враговъ подберетъ
 Здоровѣе и крѣпче дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

ДВА СТАНА

Въ мирѣ два стана, нещадно враждующихъ:
 Въ первомъ—съ побѣдно поднятой главой
 Сонмы веселыхъ, безпечныхъ, ликующихъ,
 Сытыхъ, довольныхъ собой;
 Сонмы терзающихъ силы народныя.
 Нагло сосущихъ народную кровь,
 Топчущихъ въ грязь все святое, свободное—
 Честь, идеаль и любовь.
 Съ сердцемъ заплывшимъ, душой пресыщенной.
 Всюду внося съ собой ложь и развратъ,
 Все попираютъ стопой загрязненной,
 Куплей-продажей клеймятъ.
 Совѣсть и честь для нихъ звуки забытые,
 Изгнаны правда, любовь. идеаль:

Соки народные, въ золото слитые, —
 Вотъ гдѣ ихъ богъ, ихъ Ваалъ.
 Вѣчная праздность, разгулъ нескончаемый,
 Пьянство, обжорство, безстыдный развратъ,
 Наглая ложь, произволъ нескрываемый
 Здѣсь безпредѣльно царятъ...
 Въ станѣ другомъ миллионы униженныхъ,
 Стонущихъ тяжело подъ гнетомъ оковъ,
 Счастья не знающихъ, рокомъ обиженныхъ.
 Цѣпи влачащихъ рабовъ;
 Вѣчно надломленныхъ, вѣчно страдающихъ,
 Молотомъ, ломомъ, сохой, топоромъ
 Жизнь и здоровье свое надрывающихъ
 Надъ непосильнымъ трудомъ;
 Хищныя стаи жестокихъ мучителей,
 Алчныхъ вельможъ и жестокихъ царей,
 Царскихъ холоповъ, чиновныхъ рабителей
 Кровью питаютъ своей...
 Только не вѣчно пмъ рабство позорное,
 Гнетъ ненавистный смиренно нести;
 Кончится скоро молчанье покорное,
 И задрожать палачи...
 Близокъ ужъ часъ, ужъ борьба разгорается,
 Мракъ беспросвѣтный не такъ ужъ гнететь:
 Это свободы заря занимается,
 Это народъ возстаетъ...

ЖЕРТВАМЪ 9-го ЯНВАРЯ.

Погибше братья, вамъ вѣчный покой,
 Убийцамъ на вѣки проклятье!
 Погибли вы смѣло въ борьбѣ роковой
 За нашу свободу и счастье.
 Убиты, вы, братья, преступной рукой
 Того, кто народъ угнетаетъ,
 Рабочую кровь проливаетъ рѣкой.

Родную страду разоряетъ.
 Надъ вашей могилой мы клятву даемъ,
 Святой вашей кровью клянемся:
 Мы будемъ бороться съ убійцей-царемъ.
 Свободы и счастья добьемся.
 Тогда мы на ваши могилы придемъ
 И скажемъ: «Погибшіе, братья!
 Ночь произвола смѣнилася днемъ
 Равенства, братства и счастья».

МОЛОДАЯ РУСЬ.

Прочь съ дороги, міръ отжившій.
 Сверху до низу прогнившій:
 Молодая Русь идетъ!
 И сплоченными рядами
 Выступая въ бой съ врагами,
 Пѣсни новыя поетъ.
 Пни гнилые заслоняя,
 Дружно зелень молодая
 Къ солнцу тянется листвою, —
 Къ солнцу, къ радости, къ лазури.
 Не страшась ни тучь, ни бури,
 Насмѣхаясь надъ грозой.
 Прочь съ дороги все, что давитъ.
 Что свободѣ сѣти ставитъ, —
 Зла, насилія жрецы!
 Вамъ пора покинуть сцену,
 Выступаемъ вамъ на смѣну
 Мы, отважные борцы!
 Мы, рожденные рабами.
 Мы, вспоенные слезами,
 Мы, вскормленные нуждой!
 Изъ тюрьмы, изъ злой неволи
 Рвемся всѣ мы къ лучшей долѣ.
 Рвемся всѣ съ неправдой въ бой!

Дѣта родины опальной,
 Шьемъ мы саванъ погребальный
 Палачамъ родной страны.
 Въ тюрьмахъ, въ ссылки отдаленной
 Гимнъ слагаемъ похоронный
 Царству зла, насилья, тьмы.
 Крѣпче стали наши руки,
 Не страшны намъ смерти муки,
 Не боимся мы цѣпей.
 Мы не дрогнемъ, не отступимъ,
 Мы цѣной кровавой купимъ
 Счастье родины своей.
 Къ намъ, подъ знамя боевое,
 Къ намъ, все честное, живое,
 Къ намъ, борцовъ отважныхъ рать!
 Ураганомъ, бурей грянемъ,
 И въ бою съ врагами станемъ.
 Счастье—волю добывать!
 Прочь съ дороги, злая сила!
 Васъ давно ужъ ждуть могилы!
 Молодая Русь пдетъ!
 И сплоченными рядами,
 Выступая въ бой съ врагами,
 Пѣсни новыя поеть!

ЗА СВОБОДУ.

Не трава въ степи колышется,
 Не въ дубравѣ вѣтръ шумитъ:
 Кличъ удалый, мощный слышится,
 Въ бой съ врагомъ вѣти велитъ.
 То не кречеты слетаются,
 Чуя близость мертвецовъ:
 Людъ рабочій ополчается
 Мстить за дѣдовъ и отцовъ.
 Не страшатъ борцовъ мученія.

Ни тюрьма, ни эшафотъ;
Полны мужества, презрѣнія,
Смѣло движутся впередъ.
Такъ возстань же, сила мощная.
Противъ рабства и оковъ!
Судь, чини расправу грозную:
Зубъ за зубъ и кровь за кровь!
Западетъ пусть въ душу каждого:
Подлость, зло съ земли стереть,
Иль на трупъ брата павшаго
За свободу умереть!

